

От некоего военного к Фихте, автору статьи о Макиавелли, опубликованной в первом томе [журнала] «Веста»

КАРЛ ФОН КЛАУЗЕВИЦ (1780–1831)

Прусский военачальник, крупнейший мировой теоретик
и историк войны, автор фундаментального трактата «О войне» (1832).

Ключевые слова: философия войны; военная теория;
военная история; Карл фон Клаузевиц; Николо Макиавелли;
Иоганн Готлиб Фихте.

Эта небольшая статья написана в 1809 году как ответ на «О Макиавелли как писателе» (1807) Иоганна Готлиба Фихте. Взволнованный разгромом прусской армии при Йене и Ауэрштедте (1806), Фихте пытается найти у Макиавелли рецепты возрождения национального духа и военных побед. Клаузевиц отвечает Фихте как военный специалист, подчеркивая значение легкой пехоты и артиллерии (эффективность которой со времен Макиавелли «по меньшей мере удвоилась»), но также как философ, проблематизирующий современность войны. Искусственным формам (фалангам и легионам, в которых Макиавелли, а вслед за ним и Фихте видят секрет побед греков и римлян) он противопоставляет восстановление «истинного духа» войны.

Клаузевиц не верит в универсальность античных стратегем, он историзирует войну и связывает боевой и социальный порядок, утверждая, что эффективность военных средств

определяют гражданские условия. Последние радикально меняет Французская революция, породившая новую политику, которая, как Клаузевиц позднее отметит в «О войне», «выдвинула другие средства и другие силы и потому сделала возможным ведение войны с такой энергией, о которой вне этих условий нечего было бы думать». Ответ Клаузевица на французскую угрозу оказывается, следовательно, двояким: сначала социально-политическая трансформация должна создать новые силы, чтобы затем военное искусство могло рационально ими распорядиться. Он горячо соглашается с Фихте, когда тот призывает к пробуждению национальных чувств немцев, к объединению и реваншу, поскольку это ведет к росту энтузиазма и боевого духа, необходимых в современной войне — войне, которую, как тогда казалось, немецкому народу предстоит вести «на своей земле за свободу и независимость».

Я ПРОЧЕЛ это сочинение и, хотя не являюсь знатоком военного искусства, а еще менее — человеком влиятельным, одним из тех, кого Вы призываете изучать книгу Макиавелли о военном искусстве, считаю себя свободным от предубеждений и вижу теперь, как в быстром потоке событий традиционные военные формы и представления, среди которых я вырос, расплозятся как шитые гнилыми нитками швы. Впрочем, шесть лет сосредоточенных размышлений об искусстве войны меня к этому подготовили. Поскольку я прочитал книгу Макиавелли «О военном искусстве» несколько лет назад и сейчас у меня нет ее под рукой, я не могу уверенно рассуждать о частностях. Тем не менее я надеюсь, Вы позволите мне поделиться парой наблюдений, и, возможно, Вам доставит удовольствие связать их с собственными исследованиями. Ибо сегодня больше, чем когда-либо, необходимо, чтобы здравый взгляд на войну, возвышающийся над мелочными принципами ремесленников, получил всеобщее распространение и стал собственностью каждого гражданина, чтобы те, кто стремится к нему, могли понимать друг друга.

Артиллерией, как и всяким другим оружием, несомненно, злоупотребляли, особенно и больше всего в прусской армии в 1806 году, меньше — во французской, имеющей по современным стандартам не много артиллерии¹.

Перевод Дианы Красовской по изданию: © Von Clausewitz C. Ein ungenannter Militär an Fichte, als den Verfasser des Aufsatzes über Machiavell im ersten Bande der "Vesta" // Fichte J. G. Machiavell. Nebst einem Briefe Carls von Clausewitz an Fichte. Kritische Ausgabe von Hans Schulz. Leipzig: Verlag von Felix Meiner, 1918. S. 59–65.

1. Клаузевиц отвечает здесь на пассаж Фихте: «Есть другой, более важный и в наше время решающий пункт в „Искусстве войны“ Макиавелли. Сегодня... общее мнение таково, что артиллерия на войне решает все и что уравновешена она может быть только лучшей артиллерией, но к артиллерии как таковой нет противоядия. Действительно, исход последних сражений, приведших Европу к тому печальному состоянию, в котором она находится сегодня, был определен исключительно этими средствами. Макиавелли придерживается совершенно другой точки зрения. Он считает, что артиллерия пугает только трусов, а храбрая и хорошо оснащенная армия не нуждается в своей и может презирать вражескую. <...> Если мы желаем не рабства Европы, но ее свободы и спокойствия, нужно еще раз тща-

Сложно, однако, отыскать лучшее соотношение [пушек к пехоте], оставаясь только на теоретической почве, и, вероятно, мелкие различия не имеют значения. Совсем упустить ее [артиллерию] из виду означает, скорее всего, поставить себя в критически невыгодное положение, поскольку большой концентрации пушек невозможно что-либо противопоставить. Со времен Макиавелли эффективность артиллерии по меньшей мере удвоилась². Корпус Ожеро при Эйлау был уничтожен одной лишь русской артиллерией, которую упрямый Наполеон, отступивший от привычных правил, продолжал атаковать. Здесь, как и в других случаях, только опыт может привести нас к истине. Это пока все об артиллерии.

Наше (немецкое) военное искусство находится, без сомнения, в упадке; оно должно быть оживлено новым духом, оно должно служить нам и вознаграждать наши усилия, напряжение, самоотречение, в которых нуждается любая война. Позвольте мне поделиться с Вами соображениями о том, как это должно произойти и как с этим связаны работы Макиавелли.

Я часто находил у Макиавелли здравые суждения и новое понимание военных вопросов. Как в случае Фабия Кунктатора (кажется, в «Рассуждениях о первой декаде Тита Ливия»), на примере которого он показывает, что главные решения редко определяются обстоятельствами. Он медлил не потому, что считал эту стратегию соответствующей обстоятельствам, а потому, что по природе своей был человеком нерешительным. Когда Сципион хотел перенести войну в Африку, он возражал. Если бы Фабий был правителем Рима, Рим был бы разрушен³.

тельно изучить мысли Макиавелли, чтобы понять, может ли быть и каким образом то, несомненно, было осуществимо на практике в его время, все еще осуществимо после прогресса, достигнутого артиллерией с тех пор» (*Fichte J. G. On Machiavelli, as an Author, and Passages from His Writings / I. A. Moore, C. Turner (trans.) // Philosophy Today. 2016. Vol. 60. № 3. P. 771*).

2. «Огонь тяжелой артиллерии для пехоты почти безвреден. <...> Артиллерия не препятствует восстановлению воинских учреждений древних и доблести их» (*Макиавелли Н. О военном искусстве // Искусство войны: Антология. СПб.: Амфора, 2004. С. 410, 413*). См. также подробное обсуждение роли артиллерии в книге третьей: Там же. С. 406–415.
3. Ср.: «Впрочем, Фабий действовал таким образом скорее по характеру своего ума, чем по обдуманному плану. Это видно по тому обстоятельству, что, когда Сципион решился перевезти свое войско в Африку, чтобы там кончить войну, Фабий был одним из самых жарких противников этого намерения, как человек, не могущий отказаться от своего образа действия и привычек, так что, если бы это зависело от него, Ганнибал остался бы в Италии. Он не замечал, что обстоятельства изменились и что точно так же следовало изменить и систему ведения войны. Если бы Фабий

Что касается книги Макиавелли о военном искусстве, то я вспоминаю отсутствие свободной и независимой оценки, которая так отличает его политические труды. Военное искусство древних слишком привлекало его не только своим духом, но и своими формами. В Средневековье легко было переоценить военное искусство греков и римлян: в то время оно находилось в глубоком упадке, опустилось до уровня ремесла, лучшим свидетельством чему являются армии наемников.

До периода швейцарцев⁴ развитие военного дела, связанное с тяжелой рыцарской кавалерией, было искажено мелочным стремлением к постоянному наращиванию оборонительного вооружения. Я нахожу замечательным суждение Макиавелли (которое прочел у Иоганна Мюллера⁵), что в раннем Средневековье искусство войны было лучше развито у тех народов, которые его, казалось бы, совсем не знали, чем у тех, которые изнуряли себя его совершенствованием. Швейцарцы, которым не были известны образцы греческой и римской тактики, заново открыли лучшие способы ведения войны — по той лишь причине, что расположение страны и бедность вынуждали их идти на войну пешком, не имея другой брони, кроме героизма. Изолированные швейцарские города, пребывая в счастливом неведении о заблуждениях других народов, руководствовались здравым смыслом и потому преуспевали.

В отличие от Макиавелли, я считаю, что, чтобы возродить военное искусство, — выродившееся в ремесло, как было отмечено, не только в Средневековье, но даже в большей степени в последующие столетия, — необходимо не держаться за классические образцы, не стараться приблизиться к ним, а, скорее, стремиться

был царем римским, он, может быть, был бы побежден в этой войне, потому что он не умел бы менять свой образ действия, сообразуясь с различными обстоятельствами» (*Макиавелли Н. Разсуждения на первые три книги Тита Ливия*. СПб.: Русская книжная торговля, 1869. С. 404).

4. Речь идет о XIV–XV веках. Победы при Моргартене (1315), Лаупене (1339) и Земпахе (1386), которые швейцарская пехота, построенная в тесно сомкнутые квадратные баталии, одержала над рыцарской кавалерией, обеспечили независимость Союзу кантонов и произвели столь сильное впечатление на европейских монархов, что те нанимали швейцарцев вплоть до XVIII века (эпизодически еще в XIX веке и до сих пор — в Ватикане). Появление на полях сражений организованной пехоты, сражающейся пиками и алебардами в плотном строю, часто описывается как «начало новой эпохи в истории военного искусства». См., напр.: *Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории*. СПб.: Наука; Ювента, 1996. Т. 3. С. 344–416.
5. Иоганн фон Мюллер (1752–1809) — немецкий историк, автор «Истории Швейцарии».

восстановить истинный дух войны. Таким образом, нужно начинать не с формы, а с духа и уверенно ожидать, что он сам разрушит старые формы и создаст лучшие.

Истинный дух войны состоит в том, чтобы задействовать силы всякого солдата настолько, насколько это возможно, и пробуждать в нем воинственные чувства так, чтобы огонь войны воспламенял каждый элемент армии, а не оставлял после себя потухшие угли. Это достигается (в том, что зависит от военного искусства) через способ обращения с каждым [солдатом], но в еще большей степени — через то, как его используют. Современное военное искусство должно стремиться не к тому, чтобы использовать людей как машины, а к тому, чтобы оживить индивидуальные силы, насколько это позволяет природа оружия. Разумеется, этот подход имеет границы, определенные необходимостью создать такие условия, которые позволили бы разумной воле руководить большими массами без сильного трения⁶.

Не стоит, однако, заходить дальше и стремиться, как это было в XVIII веке, превратить армию в машину, где моральные силы подчинены механическому, предназначенную для того, чтобы побеждать врага простыми формами; машину, почти не оставляющую места для применения интеллектуальных сил. История почти всех гражданских войн, в особенности войны за независимость Швейцарии и французских революционных войн, показывает, что оживлением индивидуальных сил можно достичь бесконечно большего, нежели искусственными формами. Современное оружие не только не противоречит этому принципу, но и в высокой степени ему благоприятствует. Древние не могли обходиться без фаланги и легиона (а они, бесспорно, являются намного более искусственными формами, чем простые современные построения в два или три ряда). В Античности бой вели (за исключением легких войск) эти, в общем, довольно неповоротливые массы. В современной войне большие массы используются только тогда, когда того требует цель; они также могут быть разделены на меньшие силы.

Численность легких войск (то есть тех, кто сражается поодиночке) по отношению ко всей армии сейчас намного больше, чем у древних, а в некоторых видах войн — особенно в самой прекрасной из всех, которую народ ведет на своей земле за свободу и неза-

6. Трение — совокупность случайностей, непредвиденных обстоятельств и практических затруднений, которые «отличают действительную войну от бумажной». См. главу 7 части I «О войне»: *Фон Клаузевиц К. О войне: В 2 т. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2002. Т. 1. С. 112–115.*

висимость, — это отношение может увеличиваться более чем вдвое. Вопреки общему мнению, для эффективного применения нашего главного оружия, огнестрельного, недостаточно лишь механического навыка, так как не только в перестрелке, но и в бою сомкнутыми линиями действие пехотного огня различно в зависимости от того, насколько войска привычны к опасностям и умелы в обращении с оружием. Именно по этой причине огонь французской пехоты превосходил огонь прусской, несмотря на лучшую технику последней. Самое важное преимущество древних в оживлении индивидуального боевого духа проявлялось, по мнению большинства, в рукопашном бою, к которому приводило тогда почти любое сражение; и было бы предубеждением полностью это отрицать. Но и в современной войне, сколь бы ни было велико значение огнестрельного оружия в том, чтобы подготовить успех, решающим может стать энтузиазм в схватке холодным оружием. В Античности ценность отдельного воина определялась скорее гражданским устройством, нежели техникой боя, — это сложно отрицать, поскольку народы, превосходно проявившие себя на войне, отличались от побежденных гражданскими условиями, а не большей склонностью к индивидуальной схватке. И если в современной войне, наряду с этими причинами, недостаток воинственных чувств проявляется еще и в намеренном пренебрежении истинным духом войны, в ошибочном стремлении сохранить отжившие формы ведения войны, то нам известны два источника, которые необходимо очистить, чтобы воинственные чувства вновь наполнили нас, сделали нас грозными для наших соседей. Первый — гражданские условия, дело политического порядка и воспитания; второй — рациональное использование военного потенциала, дело военного искусства.

Итак, если следовать этим принципам и организовывать армию, руководствуясь соображениями простоты, ставя во главе каждого подразделения людей, проникнутых воинственными чувствами, энергичных и предприимчивых; если главнокомандующий отнесется к ним с доверием, если сам он будет исполнен мужества, если будет заботиться о боевом духе и знать, как поднять его самопожертвованием; если, таким образом, силы всей армии разовьются — тогда военные добродетели распространятся сверху вниз, на каждый элемент армии. В любом случае воинственные чувства, вызванные в некоторых людях другими (например, политическими) причинами, не будут подавлены армейской машиной, как это обычно случалось раньше. Тогда предубеждения, касающиеся оружия и форм войны, исчезнут сами собой, поскольку в любом искусстве естественным врагом всякого маньеризма является дух.

Я признаю, что убежден в превосходстве такой формы ведения войны, в которой военные добродетели оживляют все войско, даже самую малую его часть, в которой главная цель военного искусства состоит в возможно более полном использовании этого боевого духа. Я считаю, что такая форма ведения войны, порожденная разумом, возобладает над любой другой, что она, по природе своей, приблизится к совершенной форме войны. И если очевидно, как хорошо эта форма ведения войны соответствует нынешним обстоятельствам, то к ней мы должны стремиться выше всего и в ней искать спасения.

Простите мне это откровенное сообщение, которое я пишу без всяких притязаний, только лишь из святого усердия, которое нас всех сейчас объединяет. Если в нем есть хоть искра истины, то даже слабый отсвет ее не ускользнет от великого философа, жреца этого святого пламени, которому открыт доступ к сущности, к духу каждого искусства и науки.

Кёнигсберг, 11 января 1809 года

Я только сейчас прочитал оставшуюся часть Вашей апологии Макиавелли, и — хотя не считаю, что это относится к делу или доставит Вам особенное удовольствие, — должен, следуя своей природной откровенности, выразить высочайшее удовлетворение, которое Ваше исследование мне доставило. Его результаты полностью согласуются с моими убеждениями, в необходимости отстаивать которые я никогда не сомневался. Оставлять свое мнение при себе, — что большинство людей считает мудростью или по крайней мере благоразумным эгоизмом, — есть не что иное, как жалкая трусость или глупость.

Библиография

- Fichte J. G. On Machiavelli, as an Author, and Passages from His Writings // *Philosophy Today*. 2016. Vol. 60. № 3. P. 761–788.
- Von Clausewitz C. Ein ungenannter Militär an Fichte, als den Verfasser des Aufsatzes über Machiavell im ersten Bande der “Vesta” // Fichte J. G. Machiavell. Nebst einem Briefe Carls von Clausewitz an Fichte. Kritische Ausgabe von Hans Schulz. Leipzig: Verlag von Felix Meiner, 1918. S. 59–65.
- Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. СПб.: Наука; Ювента, 1996. Т. 3. С. 344–416.
- Макиавелли Н. Разсуждения на первыя три книги Тита Ливия. СПб.: Русская книжная торговля, 1869.
- Макиавелли Н. О военном искусстве // *Искусство войны: Антология*. СПб.: Амфора, 2004.
- Фон Клаузевиц К. О войне: В 2 т. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2002.

TO THE GENTLEMEN WHO WROTE THE ESSAY
ON MACHIAVELLI IN THE FIRST VOLUME OF *VESTA*

CARL VON CLAUSEWITZ, 1780–1831. Prussian general, prominent military theorist and historian, author of the fundamental treatise *On War* (1832).

Keywords: philosophy of war; theory of war; military history; Carl von Clausewitz; Niccolò Machiavelli; Johann Gottlieb Fichte.

This short article was written in 1809 as an answer to Johann Gottlieb Fichte's essay *On Machiavelli as an Author* (1807). Fichte was unsettled by the defeat of the Prussian army at Jena and Auerstedt and tried to find in Niccolò Machiavelli's works a prescription for restoring national spirit and military victory. Carl von Clausewitz answers Fichte not only as a military specialist emphasizing the role of light infantry and artillery (the efficiency of which has "at the very least doubled" since Macchiavelli's time) but also as a philosopher who delves into the problems in the modernity of war. He contrasts the revival of "true military spirit" with artificial forms (the phalanxes and legions that are seen by Machiavelli and subsequently by Fichte as the key to the victories of the ancient Greeks and Romans).

Clausewitz does not accept the universality of ancient stratagems and instead historicizes war and draws a connection between the military and social orders. Clausewitz claims that efficiency of military means is determined by civil conditions. The latter were radically changed by the French Revolution, which produced a new politics that "proposed other means and other forces and therefore made it possible to conduct war with such energy that it could not be conceived in any other terms" as Clausewitz wrote afterwards (part VIII, chapter 6). Clausewitz's answer to the threat from France appears therefore to be twofold: a sociopolitical transformation must first create the new forces that then permit the art of war to exploit them effectively. He eagerly agrees with Fichte's call for rekindling German feelings of nationhood in order to unify the people and achieve *revanche* because those steps increase the enthusiasm and military spirit which are necessary in modern war — a war that, as it seemed at that time, the German nation had to wage "on its territory for freedom and independence."

DOI: 10.22394/0869-5377-2019-3-59-65

References

- Delbrück H. *Istoriia voennogo iskusstva v ramkakh politicheskoi istorii* [Geschichte der Kriegskunst: Im Rahmen der politischen Geschichte], Saint Petersburg, Nauka, Iuventa, 1996, vol. 3, pp. 344–416.
- Fichte J. G. On Machiavelli, as an Author, and Passages from His Writings. *Philosophy Today*, 2016, vol. 60, no. 3, pp. 761–788.
- Machiavelli N. O voennom iskusstve [Dell'Arte della Guerra]. *Iskusstvo voiny: Antologiya* [Art of War: An Anthology], Saint Petersburg, Amfora, 2004.
- Machiavelli N. *Razsuzhdeniia na pervyia tri knigi Tita Livii* [Discorsi sopra la prima deca di Tito Livio], Saint Petersburg, Russkaia knizhnaia torgovlia, 1869.
- Von Clausewitz C. Ein ungenannter Militär an Fichte, als den Verfasser des Aufsatzes über Machiavell im ersten Bande der "Vesta". In: Fichte J. G. *Machiavell. Nebst einem Briefe Carls von Clausewitz an Fichte. Kritische Ausgabe von Hans Schulz*, Leipzig, Verlag von Felix Meiner, 1918, S. 59–65.
- Von Clausewitz C. *O voine: V 2 t.* [Vom Kriege: In 2 vols], Moscow, Saint Petersburg, AST, Terra Fantastica, 2002.